

УДК 94 (571.6)

Багрин Е.А.

**К вопросу о насилии русских по отношению к
коренному населению Восточной Сибири и Дальнего
Востока в XVII в.**

**Violence and cruelty between Russian population and native of the Eastern
Siberia and the Far East in the XVII century**

Статья посвящена негативному опыту проявления насилия русского населения Сибири и Дальнего Востока по отношению к коренным народам этих регионов в XVII в.

Ключевые слова: *русское население, коренные народы, насилие, Сибирь и Дальний Восток.*

The article is devoted to the first period of occurrence of mutual relations of the native and Russian population in the Eastern Siberia and in the Far East. Violence and cruelty to each other are considered in it.

Key words: *Russian population, native, violence, Eastern Siberia and the Far East.*

В XVII в. в состав России вошли огромные территории Сибири и Дальнего Востока, населенные многочисленными коренными народами, которые вовлекались в новую для них культурную среду. Впервые вопрос о проявлении насилия к местному населению был обозначен исследователями в дореволюционный период. Процесс присоединения Сибири рассматривался как итог завоевания, вследствие которого и возникало жесткое отношение к покоренной стороне [4; 19]. В советское время ученые перестали акцентировать внимание на негативном опыте сосуществования русских и коренных обитателей Сибири [17; 15]. В то время же факты проявления насилия и жестокости между русскими переселенцами и коренными жителями Сибири в XVII в. не только имели место, но и были неотрывно связаны с политическими и социальными процессами, происходившими на территории "восточной окраины". В

постсоветское время, исследователи возвращаются к непредвзятому рассмотрению вопросов касавшихся присоединения Сибири [2; 14].

Целью статьи является обозначение основных причин возникновения насильственных действий русских в отношении местного населения. Исследование основано на изучении документальных источников (отписок, челобитных и материалов судебных разбирательств).

Термин русские использован автором для собирательного обозначения всех выходцев из Российского государства, несущих в себе его культуру вне зависимости от национальной принадлежности¹.

Первопроходцы пришли в Сибирь с уже сложившейся системой общественных отношений, характерной для абсолютистских государств того времени. В России XVII в. насилие в обществе было одним из способов правящего класса удержать свое первенство, регулировать общественные процессы, в которые были вовлечены все слои населения, перенимавшие образец поведения, основанный на подавлении сильными слабыми. Таким образом, действия людей наделенных властью и особенностями общей культуры населения являются основными источниками возникновения насильственных действий в русском обществе, возникшем в Сибири в XVII столетии. По мере того, как в эту культурную среду вовлекалось коренное население, ему отводилась своя роль. Определялась модель поведения, позволявшая, строить с ним свои отношения. Особенно велика в этом процессе была роль местной власти, имевшей огромное влияние на все происходившие события [1].

Власть на местах располагала правом применять от лица государства насильственные средства для решения различных государственных задач и соблюдения закона на вверенной им территории. Главной задачей было удержать за Россией новые земли, и подчинить коренных жителей, значительно превосходивших русских по численности. Жестокие меры по отношению к изменникам, были призваны подавить любую возможность неподчинения или прямого противодействия. Местные князьки сразу предупреждались о последствиях "измены". Так, воевода Василий Пушкин в обращении к главам бурятских родов в 1645 г. предупреждал "бращих людей", что при отказе платить ясак "... пошлют на вас и на ваши улусы многих государевых ратных людей", которые перебьют их "без пощады" вместе со скотом, сожгут юрты, уведут в плен женщин и детей без права выкупа, пленных же мужчин казнят [5, с. 33, 36]. Подобные предупреждения не были пустыми угрозами. В 1645 г. якутский воевода Петр Головин послал письменного голову В. Пояркова в улус якутского князя Кумыка, где тот сжег более трехсот человек, включая женщин и детей, вместе с самим князем, угнав скот и пограбив имущество [5, с. 36].

Настойчиво проводилась политика неотвратимости наказания за любые посягательства на жизнь русских. Например, пять промышленных людей, шедших на р. Зею с вестовой отпискою к Албазинским казакам, были убиты "на дороге" зейскими ясачными тунгусами. Зейский приказной человек Михаил Сафьянщиков тут же оперативно поймал и повесил убийц, наглядно показав, что так делать нельзя [11, с. 220]. Власти отчетливо понимали, что любое промедление с ответными действиями воспринималось туземцами как слабость и грозило потерей контроля над ситуацией.

Демонстративные публичные наказания "воров" были важной составляющей образа "сильной руки". Набор методов казни и телесных наказаний включал в себя повешение, четвертование, расстрел, битье кнутом. Иногда преступников сжигали. Часто встречаются упоминания о

¹ Большинство русских, населивших Сибирь в XVII в., происходило из северных уездов России [20].

применении пыток использовавшихся по характерному для русского судопроизводства обычаю, для получения сведений и их подтверждения.

Вот несколько характерных примеров. В 1683 г. якутский воевода Матвей Кровков отписал, что, подавив восстание одного из "иноземных" князей и взяв в бою 15 пленных вместе с князем, велел того "за его воровство и за измену, ... четвертовать, а товарищей его повесить" [10, с. 53]. Якуты, участвовавшие в восстании под предводительством Балтуги в 1676 г., были наказаны следующим образом: "Оенек был подыман на виску и пытан накрепко, а на виске дано ему пятьдесят ударов", "якуты Быки да Далдуй Куреяковы биты кнутом на козле и в проводку", брату зачинщика волнений Байге "отсекли голову и везли сутки и посадили на кол". Двух якутов сожгли живыми [8, с. 26, 35, 42].

Такие же события происходили и в других регионах Сибири. Например, в 1678 г. в Мангазее были достаточно жестоко казнены "воровские" тунгусы. После пытки воевода Иван Савелов велел двух из них "четвертовати, руки и ноги и головы отсеч и на колье втыкать", а третьему "уши обрезать". Казнь производилась в присутствии аманатов и подчиненных острогу иноземцах. Воевода перед государем свои действия по убийству пленников объяснил просто – в казне не было хлеба, для их прокорма! В том же документе приводится достаточно редкое упоминание о своеобразном расстреле мятежника: "...и я того вора за его многое воровство велел повесить за ноги и расстрелять" [9, с. 161, 164-165.]. Данный способ казни можно проиллюстрировать, рисунком из Ремезовской летописи (См. рис. 1.). Тот факт, что для художника подобное явление в порядке вещей, говорит о том, что такая казнь имела хождение по всей Сибири и не была чем-то из ряда вон выходящим.

Жестокие меры, нередко давали положительный результат. Сын боярский Федор Пушин в 1666 г. отписал из Охотского острога, что он публично повесил на видном месте трех взятых в плен мятежников, после чего остальные вернулись под его власть и стали платить ясак [7, с. 71].

Таким образом, "легальное" насилие, применяемое государевыми людьми, было оправданным средством самосохранения русских на агрессивной для них территории. Излишняя же жестокость в действиях оказывала на туземцев психологическое давление, порождала у них страх и парализовала желание противостоять новой власти.

Однако применение насильственных средств воздействия, не ограничивалось государственными интересами. Имея в распоряжении неконтролируемые возможности применения силы, начальные люди добивались упреждения власти, подавляли недовольных, вымогали, хотя государевы предписания гласили "... без вины напрасно к служилым и охочим новоприборным людям, для своей безделной корысти налоги и насилства не чинить" [5, с. 27]. В "мирской челобитной" 1645 г. на якутского воеводу Петра Головина описывается как он в борьбе за власть под предлогом измены, "...пытал и огнем жог и в тюрьму и за приставы отдавал" многих служилых, торговых и промышленных людей острога, которые "с таких пыток и с голоду и со всякой тюремной нужи помирали" [5, с. 36]. А его сменщик воевода Василий Пушкин в 1649 г. только за просьбу служилых Василия Бугра и Степана Борисова выдать им положенное жалованье бил их "до полусмерти" батогами посреди площади "без приговору товарищей", "а батоги у него были в длину в полтора аршина, а в толщину ручной палец" [5, с. 210].

Насилие по отношению к своим же соотечественникам было чревато не только жалобами государю, по которым проводились вполне справедливые разбирательства, но и бунтом, который мог закончиться смертью насильника. Поэтому власти обычно не переходили грань терпения

Рис. 1. Виды казней в Сибири
(Миниатюра из Ремезовской летописи)

людей, которым не хотелось стать бунтовщиками и быть "вне закона". А вот по отношению к ясачным туземцам могли использоваться любые средства. Перед государем всегда можно было оправдаться их изменой.

Тот же Петр Головин пришедших в острог ясачных якутов *"пытал и огнем жег и кнутом бил болши месяца, все три палача, без пощады"*, *"и с того кнутья многие Якуты померли и тех мертвых Петр вешал"*. После чего он повесил двадцать три человека из числа племенной аристократии, многие из которых были аманатами. От такого обращения, якуты более двух лет скрывались в горах и не платили ясак [5, с. 36].

Зачастую применение насилия было вызвано индивидуальной патологической жестокостью начальных людей. Страдали и свои, и чужие. В 1658 г. ясашные буряты жаловались в Енисейске на то, что приказной человек Брацкого острога сын боярский Иван Похабов, *"чинит" им "великие обиды и всякие насильства"*, бьет и грабит, а их жен и детей *"емлет к себе на постелю сильно для блуда"*. Пашенные крестьяне Брацкого острога жаловались на него же, добавляя, что *"бьет кнутом и в батоги и в колоду сажает бесменно"* без вины, для вымогательства. А его *"ушник"* приказной человек Ореф Фирсов, бесчестя их жен и детей, *"у выборного мирского старосты Антошки Агапитова жену его хотел изильничать, и она ему не далась, деручися с нею, выдалил у нее из брюха младенца"*. За челобитные государю Похабов грозился *"бить кнутом и руку отсечь"*. В итоге действия приказного человека и его людей вызвали *"измену"* ясашных бурят которые убили и ранили несколько русских и откочевали *"в Мунгалы"* [22, с. 213, 215-217].

Следующим важным фактором возникновения различных насильственных проявлений по отношению к коренному населению была

своеобразная культура поведения, характерная для сибирских первопроходцев. Их система самоорганизации из-за слабого государственного контроля, позволяла процветать таким явлениям как самосуд, физическое подавление более слабого оппонента, вплоть до его уничтожения. Так, в 1652 г. Семен Епишев, находившийся в Охотском остроге, описывал, как часть служилых, требующих оставить острог, "отстаивала" свое мнение, жестоко избивая несогласных: "... а служивого Фомку, ..., выволоча на правез били, ..., и передо мною хотели розорвать служивого Мишку Иванова" [5, с. 342]. Даже наделенный государевой властью человек мог быть подвержен агрессии. Посланный на р. Анадырь для промысла "моржевого зуба" служилый Юрий Селивестров в отписке 1655 г. жаловался, что "прибранный" им охочий служилой человек Данило Филишов, придя в приказ, несмотря на свое подчиненное положение, ругал его, стал "... за бороду драть, и половину бороды выдрал, и ко двум, ..., за бороду сволок" [6, с. 11].

Жесткость в отношениях была во многом вызвана крайне тяжелыми условиями жизни и постоянной смертельной опасностью со стороны туземцев, в том числе и ясачных. Формировался тип людей, способных на преодоление любых трудностей. Обратной стороной этого процесса было, обесценивание человеческой жизни. Так в зимой 1646 г. В. Поярков, столкнувшись с крайней нехваткой продовольствия, отнял у части своих людей хлебные запасы, и выгнал их из острога. Спасаясь от голодной смерти, они "съели многих мертвых иноземцов и служилых людей, которые с голоду померли (было съедено около 50 мертвецов, а во время голода умерло более ста человек)". Репутация русских в Приамурье, была на долгое время испорчена. На р. Зея местные жители не подпускали к берегу шедший по реке отряд Пояркова, называя их "поганые людоеды". Пояркову приписывали слова, что "не дороги де они служилые люди, десятнику де цена десять денег, а рядовому де два гроши". Более того, весной, когда сошел снег и начала оттаивать трава, служилые стали копать "корень" и употреблять его в пищу, он приказал своему человеку выжечь луга, чтобы продавать для них по высокой цене свой личный запас [5, с. 55].

Туземцев же тем более никто не жалел. Например, казак Мишка Ворыпаев в 1677 г. отписал с р. Пенжин, что двое аманатов, взятых у чувалских юкагиров, были заморены голодом, одного зарезали в зимовье ножом, а другой аманат "...в колодке ушел, и того аманата весной по речке в колодке ноги принесло" [9, с. 176-177]. И это происходило притом, что аманаты были едва ли не самой большой ценностью, для казаков, так как они были гарантией поступления ясака.

Инородцев же, даже после того как они становились подданными России, воспринимали минимум как бывших врагов, "побежденных", с которыми и обращаться нужно было соответственно. Тем более, что местная власть смотрела сквозь пальцы на многие преступления.

Процветали незаконный увод из семей туземок и торговля людьми. Из-за полного отсутствия русских женщин в отдаленных землях страдали "иноземки", которых насильно уводили из их родов. "И баб де у Якутов служилые люди, ..., емлют сильно", – писалось в 1645 г. в челобитной якутских служилых [5, с. 36]. Захваченных женщин и детей использовали как живой товар. Например, в Енисейск свозились пленные с оз. Байкала и р. Лены, где их скупали торговые и промышленные люди и увозили на Русь [5, с. 223]. В Якутском остроге в 1679 г. тунгусских детей продавали по 3 и 3,5 рубля. Случалось, что казаки преподносили захваченных детей как подарок начальникам [8, с. 290]. Согласно государевым указам с полоняниками нужно было обращаться как можно более мягко, женщин и девушек предписывалось отдавать за выкуп их

родным, а тех, кто принимал крещение, выдавать замуж за служилых [5, с. 223]. В реальности же судьбы многих женщин были исковерканы. В описании Алазейского зимовья казачий десятник Пантелей Мокрошубов среди "имущества" назвал жену юкагирского толмача Малью: "...женка ясырка, владеет ею многие люди, кто купит, тот и держит, и по закладным ею владеют" [5, с. 280].

Московские государственные люди в отличие от своих ставленников на местах понимали всю пагубность применения излишнего давления на коренных обитателей новых земель. Во-первых, на насилие те отвечали еще большим насилием во время восстаний, прерывался поток пушнины получаемой не только за счет ясака, но и от русских промышленников, которые в период волнений не могли охотиться. В челобитной 1675 г. служилые якутского острога пишут: "ясачные и неясачные иноземцы", убивают их "... и наругательство чинят многое, груди спарывают, и сердце вынимают, и руки отсекают и глаза выкопывают". В том же году промышленные люди жаловались на отношение к ним якутов и тунгусов, живущих на реках Лене и Витим: "... грабят и огнем жгут, и убивают вместо свиней". Из-за чего они вынуждены были оставить промыслы и разорялись [8, с. 12].

Во время волнений во множестве гибли служилые люди, посланные за данью, и разошедшиеся по промыслам в одиночку или мелкими партиями. Убийства производились жестоко, на убитых вымещали накопившиеся обиды. Вот описание из дела об убийстве казака во время волнений якутов в 1676 г.: "и по осмотру у него Левки у правой руки три перста отсечены, да левая рука по плечю да по локтю сечено палмою, и горло перерезано, и глаза выколоты, и брюхо порото, и кишки вышли, и истыкан в спину и в брюхо копыями и палмами весь, и всячески над ним надругались" [8, с. 32-33]. В 1678 г. на допросе в Охотском остроге пеший тунгус Улбиний Шаман и его жена дали описание убийства казака: "... казака Михайла Павлова толмача Годниканы пешие Нютюкан Шаман, копьем сколол, ..., да Годниканской же пеший Мучюлкан парку де с него снял да и палкою де его добил, в голову и в рожу бил", "... и ремень на шею накинули ему Михайлу и раненого его добавили" [8, с. 280].

Местные жители настроенные против русских начинали тяготеть к более "дружелюбным" конкурентам России, претендующим на эту же территорию, что напрямую угрожало интересам государства. Примером этому служат события, произошедшие в Приамурье, когда русские не только настроили против себя туземцев проживающих на подконтрольной им территории, но и совершали набеги на земли находившихся под влиянием Китая. Там они вели себя очень жестоко, так как маньчжуры и подвластные им народности в Приамурье воспринимались ими как "чужие" иноземцы, которые в отличие от "своих" ясачных, не могли стать поданными России, поэтому казачья вольница не стесняла себя в средствах воздействия на последних. Набеги казаков Ануфрия Степанова, а позже людей из Албазина на туземцев Приамурья во время которых они "бесчинствовали, убивали и грабили" [21], привели к тому, что в период военных конфликтов с цинским Китаем практически всё местное население, встало на сторону маньчжуров, которые проводили политику "мягкого" вовлечения коренных жителей Амура под контроль империи. В принципе и русские и китайские "начальные люди" получали во многом схожие наставления по обращению с народами, жившими на землях которые предполагалось присоединить к своему государству, и в этих указаниях "мир и ласка" стояли на первом месте.

Однако слабый контроль государственного аппарата России за своими людьми на окраинах страны привел к игнорированию ими указов сверху.

Даже с усилением на местах государственной власти и вовлечением коренных жителей в российскую судебную-исполнительную систему послабление судий в сторону "своих" приводило к нелицеприятным действиям последних по отношению к туземцам. Так, в Нерчинске в 1690 г. трое ясачных "брацких людей" словесно подали жалобу воеводе Ф.И. Скрипицыну. Они сказали, что в их отсутствие нерчинские пятидесятник из полка Бейтона Василий Смиреников и конный казак Наум Козьмин с 13 служилыми безо всякой причины разгромили их юрты, убили жен и детей (5 мальчиков и 3 девочки) возрастом от 7 до 16 лет. Нерчинские служилые угнали принадлежавших бурятам лошадей, баранов и верблюдов. Настигнутые бурятами на обратном пути убийцы вернули скот, но пострадавшие требовали возмещения за убитых родственников. В свое оправдание нерчинский пятидесятник сказал, что ясачный тунгус Дипчан известил его о том, что в бурятских улусах находится "*братской мужик Мяхачин*", который явно замышлял измену. Он спрашивал Дипчана, можно ли под русские избы "*розкласть огонь и от того огня изба загоритца или как де из лука стрелить в окно ночью убьет ли вызбе человека*", на что тот отвечал: "*изба не зогоретца потому у казаков де и в избах огонь держат, а избы от того не згорают*", и "*кто и в окно из лука станет стрелять и тем де в избе человека не убьет потому у избе де у окон запоры деревянные*". Для этнографов данный разговор является интересным примером восприятия русской культуры иноземцами. А вот казаками новость была однозначно воспринята как угроза жизни им и их семьям. Мятежника нашли в улусе бурят. Не поддавшись "*на разговоры*", тот якобы, спрятавшись за бурятских детей, стал стрелять по казакам из лука, на что те ответили ружейным огнем. Убив и его, и тех, кто был рядом. Иск пострадавших бурят был удовлетворен – за убитых отдано "*семь скотин*" (РГАДА. Ф. 1142. Д. 56. Л. 79-83 об.). Этот пример является ярким образцом несоответствия наказания совершенному преступлению.

Впрочем, были случаи, когда власть не только наказывала "своего", но и шла с туземцами на компромисс оставляя безнаказанным убийство русских людей. В 1649 г. промышленный верхнего Майского зимовья Федулко, находясь в тунгусском стойбище, увидел, как князьку Ковыре что-то нашептывали на ухо. И ему послышалось, несмотря на то что, он почти не знал их языка, что из зимовья "утек" аманат, сын князя. Опасаясь за свою жизнь. Федул выстрелом из пищали убил князя, и убежал в лес. Позже "убоец" пришел в Охотский острог, где и был арестован, но аманат, никуда не убежал. Родственники убитого князя требовали Федула на расправу по закону кровной мести. Сориться с ними русскому начальству не хотелось, возникли бы перебои с ясаком. Однако, к тому времени тунгусы успели убить на промыслах 11 "промышленных людей", чью смерть и приравняли к смерти князька. В итоге несчастный был просто бит на козле перед сыном Ковыри [5, с. 175-176].

С вовлечением коренного населения в российскую государственную систему, при наказании преступников более учитывался не национальный фактор а то было ли это деяние против частного или государственного имущества. Например, в Нерчинске в 1690 г. братские люди Лету и Даитуй и тунгус Бултакей участвовавшие в воровстве лошадей у своих соплеменников получили по 15 ударов кнутом "на козле и в проводку", а буряту Будзи укравшему "государскую ясашную скотину" нанесли 25 ударов и отрезали нос (РГАДА. Ф.1142. Д. 56. Л. 79-83). Хотя русским преступникам все-таки делали послабление. Служилому человеку Авраму Евдокимову за воровство у нерчинского казака нанесли только 15 ударов кнутом на козле, хотя должны были по закону отрезать левое ухо, бить кнутом, и посадить на 2 года в тюрьму, откуда его должны были

изымать на различные работы в кандалах с последующим поселением в "украинных городах" (РГАДА. Ф.1142. Д. 56.Л. 36-40 об).

Анализируя документы, происходящие из различных местностей, можно заметить, что в одних острогах о проявлениях насилия упоминают чаще, в других – реже. От чего это зависело? Причины были как субъективные, где главную роль играли личностные качества каждого конкретного человека, вовлеченного во взаимоотношения с местным населением, так и объективные, зависящие от социальных процессов, происходивших в Сибири в то время. В острогах Западной и Южной Сибири в середине XVII в. была сильна государственная власть, местные воеводы и их люди в значительной степени контролировались Москвой, что снижало вероятность злоупотребления служебным положением. Костяк населения, стали составлять служилые, много лет проживавшие с семьями на одном и том же месте. Формировалось замкнутое сословие, в котором место отца наследовал сын или ближайшие родственники [20; 18]. Эти люди обзаводились хозяйством и конфликты с туземцами были им невыгодны. К тому же природные ресурсы соболя в данных местностях были в значительной степени истощены, и поэтому вымогательство пушнины у коренных жителей постепенно прекращалось, исчезало и применение к ним насилия.

В периферийных же острогах, ситуация была прямо противоположной. Местная власть была практически никем неограниченна, и широко использовала весь свой служебный ресурс для собственного обогащения, что сопровождалось жестокими поборам с туземцев и являлось прямым нарушением государственных указов. Значительную часть населения составляли гулящие люди, переходящие из острога в острог в поисках возможности участия в различных военных мероприятиях. Мир им был не нужен, так как они жили за счет добычи получаемой при участии в боях в качестве охотников [3]. Туземцы для них были, источником личной наживы, поэтому и обращение с ними было соответствующим. В свою очередь коренное население, особенно в первый десяток лет встречи с русскими, отстаивая свою независимость, пыталось уничтожить пришельцев, чему способствовала малочисленность последних. Осажденное положение, при крайне суровых условиях быта, где для того, чтобы выжить, надо было проявлять силу, решительность, подавлять и заставлять бояться противников, выработало психотип человека, для которого жестокость стала естественным способом решения возникающих проблем.

С продвижением русских на Восток и Северо-Восток менялся и статус острогов, они переставали быть "на острие атаки", и в них происходили процессы "огосударствления". Так, к началу XVIII в. напряженное положение, связанное с жестокими конфликтами с туземцами, переместилось на самый край присоединяемых земель – на Северо-Восток и Камчатку, а остроги вроде Якутского стали относительно спокойным местом [12; 13; 16].

В заключение будет верным отметить, что общение русского и коренного населения не сводилось исключительно к взаимному недоверию и постоянным проявлениям насилия. По мере накопления опыта общения и знаний друг о друге отношения становились более позитивными. Происходил межкультурный обмен. Русские заимствовали знания необходимые для выживания в новых для них природных условиях, а коренные народности использовали достижения русских в материальной культуре и возможность пользоваться правами подданных государства. Браки первопроходцев с туземками в значительной степени способствовали улучшению отношений между народами.

Таким образом отношения русских и коренных жителей Сибири и Дальнего Востока были весьма многогранны и неоднозначны, и включа-

ли в себя как светлые, так и темные стороны, каждая из которых должна быть изучена объективно.

Литература

1. Александров В.А., Покровский Н.Н. Власть и общество. Сибирь в XVII в. Новосибирск: Наука, 1991. 401 с.
2. Артемьев А.Р. Города и остроги Забайкалья и Приамурья во второй половине XVII – XVIII вв. Владивосток, 1999. С. 18-30.
3. Багрин Е.А. "Охочие люди" на военной государевой службе в Прибайкалье и Забайкалье в XVII веке // Интеграция археологических и этнографических исследований: Сб. науч. тр. Одесса; Омск, 2007. С.348-351
4. Васильев А.П. Забайкальские казаки: Исторический очерк.- Чита, 1916. 232 с.
5. Дополнения к актам историческим. СПб., 1848. Т. 3. 557 с.
6. Дополнения к актам историческим. СПб., 1851. Т. 4. 416 с.
7. Дополнения к актам историческим. СПб., 1853. Т. 5. 510 с.
8. Дополнения к актам историческим. СПб., 1859. Т. 7. 374 с.
9. Дополнения к актам историческим. СПб., 1862. Т. 8. 350 с.
10. Дополнения к актам историческим. СПб., 1867. Т. 10. 504 с.
11. Дополнения к актам историческим. СПб., 1869. Т. 11. 312 с.
12. Зуев А.С. Из истории присоединения Северо-Восточной Сибири: русско-корякские отношения в XVII–XVIII веках // Якутия – форпост освоения Северо-Восточной Сибири, Дальнего Востока и Русской Америки. Якутск, 2004. С. 59–81.
13. Зуев А.С. Русские и аборигены на крайнем Северо-Востоке Сибири во второй половине XVII – первой четверти XVIII вв. / Новосиб. гос. ун-т. Новосибирск, 2002. 330 с.
14. Зуев А.С. Характер присоединения Сибири в новейшей отечественной историографии // Евразия: культурное наследие древних цивилизаций. Вып.1. Культурный космос Евразии. Новосибирск, 1999. С. 124-136.
15. История Сибири. Т. 2. Сибирь в составе феодальной России. Л.: Наука, 1968. 340 с.
16. Крашенинников С.П. Описание земли Камчатки. М. Л.: Главсевморпуть, 1949. 842 с.
17. Крестьянство Сибири в эпоху феодализма. Новосибирск: Наука, 1982. 501 с.
18. Леонтьева Г.А. К вопросу об образовании постоянного служилого населения в Восточной Сибири во второй половине XVII- начале XVIII в. (Нерчинский уезд) // Вопросы истории социально-экономической и культурной жизни Сибири и Дальнего Востока. Вып. 2. Новосибирск, 1968. С. 37-60
19. Миллер Г.Ф. История Сибири. М. Л.: Акад. Наук, 1937. 608 с.
20. Никитин Н.И. Служилые люди в западной Сибири. Новосибирск: Наука, 1988. 256 с.
21. Русско-китайские отношения в XVII. Т. 2. 1686-1691. М.: Наука, 1972. 836 с.
22. Сборник документов по истории Бурятии. XVII век. Улан-Удэ. 1960. Вып. 1. 390 с.